

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ /
SOCIOLOGY OF CULTURE<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>EDN: <https://elibrary.ru/wpgbul>

УДК / UDC 316.4:129(470+571)“20”

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социология бессмертия: представления
населения Красноярского края о возможности
посмертного существования (2010–2023 гг.)В. Г. Немировский ¹ ✉ А. С. Новиков ²¹ Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, <https://ror.org/04j4xtm35>
(г. Москва, Российская Федерация)² ООО «Технологии социальных исследований»
(г. Красноярск, Российская Федерация)
✉ valnemirov@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях глубокой социокультурной травмы российского общества представления о посмертном существовании становятся важным индикатором состояния массового сознания и бессознательного. Цель исследования – выявить структуру и динамику представлений о бессмертии у жителей Красноярского края как крупного российского региона в контексте концепций «общества травмы» и социологии жизни.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу составили концепции социологии жизни и «общества травмы». Эмпирическую базу сравнительного исследования сформировали данные двух срезов по Красноярскому краю: 2010 г. – полуструктурированное интервью ($n = 1\,568$, стратифицированная многоступенчатая квотная выборка, охватившая 28 городских и сельских поселений); 2023 г. – массовый онлайн-опрос ($n = 700$, таргетинг в социальных сетях с процедурой перевзвешивания по полу, возрасту и характеру поселения). Для выявления латентных структур массового бессознательного применен факторный анализ (метод главных компонент, вращение «Варимакс»).

Результаты исследования. Зафиксирован сдвиг как в массовом сознании, так и в массовом бессознательном: от социально-творческих и религиозных установок к доминированию нигилистических и потребительских моделей бессмертия. На вербальном уровне сохраняется надежда на социально-демографическое бессмертие (надежда жить после смерти в результатах своего труда, а также в детях и внуках), однако в латентных структурах утверждается тип личности «человек избегающий», который выражает различные аспекты посттравматической мотивации.

© Немировский В. Г., Новиков А. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Закключение. Впервые показано, что социокультурная травма российского общества приводит к распространению потребительских и нигилистических представлений жителей региона о бессмертии. Представления о бессмертии выступают маркером региональной социокультурной травмированности. Показано, что компенсаторное статусное потребление и стремление к карьере снижает экзистенциальный страх смерти. Обоснована необходимость компаративных исследований в различных регионах РФ с учетом их вовлеченности в острые социально-политические процессы (с применением психологических методик).

Ключевые слова: социология бессмертия, общество травмы, представления о бессмертии, массовое бессознательное, Красноярский край, региональные исследования, статусное потребление

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00001а («Особенности социокультурного портрета Красноярского края»). Часть исследования проведена авторами на инициативной основе без привлечения целевого финансирования.

Для цитирования: Немировский В.Г., Новиков А.С. Социология бессмертия: представления населения Красноярского края о возможности посмертного существования (2010–2023 гг.). *Регионоведение*. 2026;34(3):658–674. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>

Sociology of Immortality: Perceptions of the Population of Krasnoyarsk Territory on the Possibility of Posthumous Existence (2010–2023)

V. G. Nemirovskiy ^a ✉, A. S. Novikov ^b

^a Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/04j4xtm35> (Moscow, Russian Federation)

^b “Social Research Technologies” LLC (Krasnoyarsk, Russian Federation)

✉ valnemirov@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of profound sociocultural trauma in Russian society, ideas about the after-life are becoming an important indicator of the state of mass consciousness and the unconscious. The aim of this study is to identify the structure and dynamics of ideas about immortality among residents of the Krasnoyarsk Territory, a large Russian region, within the context of the concepts of “trauma society” and the sociology of life.

Materials and Methods. The theoretical and methodological framework is based on concepts of the sociology of life and the “trauma society”. The empirical base for the comparative study was formed by data from two cross-sections in Krasnoyarsk Territory: 2010 – a semi-structured interview ($n = 1,568$, stratified multistage quota sampling, covering 28 urban and rural settlements); 2023 – a mass online survey ($n = 700$, targeted on social networks with a reweighting procedure based on gender, age, and settlement type). Factor analysis (principal component analysis, Varimax rotation) was used to identify latent structures of the mass unconscious.

Results. A shift has been recorded in both mass consciousness and the mass unconscious: from social-creative and religious attitudes to the dominance of nihilistic and consumerist models of immortality. At the verbal level, hope for socio-demographic immortality remains (the hope of living after death through the results of one's labor, as well as through one's children and grandchildren), but latent structures are establishing a personality type called “avoidant”, which expresses various aspects of post-traumatic motivation.

Conclusion. It has been demonstrated for the first time that sociocultural trauma in Russian society leads to the spread of consumerist and nihilistic notions of immortality among regional residents. Perceptions of immortality serve as a marker of regional sociocultural trauma. It is shown that compensatory status-based consumption and career pursuit reduce existential fear of death. The need for comparative studies in various regions of the Russian Federation, taking into account their involvement in pressing sociopolitical processes (using psychological methods), is substantiated.

Keywords: sociology of immortality, trauma society, perceptions of immortality, mass unconscious, Krasnoyarsk Territory, regional studies, status consumption

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This study was supported by the Russian Foundation for the Humanities under research project No. 10-03-00001a ("Characteristics of the Sociocultural Portrait of Krasnoyarsk Territory"). Part of the study was conducted by the authors on a voluntary basis without the use of targeted funding.

For citation: Nemirovskiy V.G., Novikov A.S. Sociology of Immortality: Perceptions of the Population of Krasnoyarsk Territory on the Possibility of Posthumous Existence (2010–2023). *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):658–674. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>

ВВЕДЕНИЕ

Современная социология жизни основывается на многоаспектном анализе социальных процессов и явлений, центрируясь вокруг понятия «жизненный мир личности»¹. Выделяя его базовые характеристики, Ж. Т. Тощенко определяет первую из них как реально функционирующее общественное (групповое, индивидуальное) сознание во всем его многообразии и многозначности [1, с. 12]; вторую – как поведение (деятельность); третью – как общественную макро-, мезо- и микросреду, т. е. социально-экономические, политические и культурные условия, опосредующие влияние на сознание и поступки людей [1, с. 13].

Значимым элементом жизненного мира являются представления о бессмертии. Они укоренены в первом из указанных измерений (сознании) и одновременно мотивируют структуру и содержание второго (поведения). В свою очередь, эти представления детерминируются социокультурными факторами, образующими третий элемент жизненного мира. Изучая данный феномен на материалах Красноярского края, нельзя игнорировать состояние социокультурной травмированности современного российского общества, которое накладывает глубокий отпечаток на жизненный мир населения, включая его экзистенциальные установки [например, 2–5]. В связи с этим настоящее исследование основывается на концепции «культурной травмы» (Дж. Александер, П. Штомпка), «общества травмы» (Ж. Т. Тощенко) и антропосоциокультурной травмы (Н. И. Лапин).

Значимость подобных исследований возрастает на фоне специальной военной операции (СВО), в результате которой миллионы граждан сталкиваются с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) и нуждаются в социальной и психологической реабилитации [6; 7 и др.]. Социокультурная травма ведет к распространению в коллективном сознании и массовом поведении чувства неуверенности в возможности полноценной самореализации в границах текущей жизни. Это, в свою очередь, актуализирует представления о бессмертии, которые могут принимать как нигилистические или потребительские формы (ценность «здесь и сейчас»), так и компенсаторно-религиозные (надежда на загробное воздаяние, реинкарнацию или иные модели посмертного существования).

Несмотря на высокий эвристический потенциал концепций «общества травмы» и социологии жизни, эмпирические данные о структуре и динамике представлений

¹ Bauman Z. *Mortality, Immortality, and Other Life Strategies*. Polity Press; 1992. 216 p.; Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания* : пер. М.: Моск. филос. фонд; 1995. 322 с. ; Тощенко Ж.Т. *Общество травмы: между эволюцией и революцией*. М.: Весь Мир; 2020. 352. С. 4. <https://elibrary.ru/qlxxdd> ; Бергсон А. *Два источника морали и религии*. Пер. с фр., послесловие и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон; 1994. 384 с. и др.

о бессмертии в современной России практически отсутствуют. Это затрудняет диагностику глубинных изменений в коллективном сознании, не позволяет объективно оценить адаптационный потенциал населения и ограничивает возможность выработки адекватных социально-управленческих стратегий.

Цель статьи – анализ структуры и динамики представлений о бессмертии у жителей Красноярского края в контексте теоретических подходов социологии жизни и «общества травмы».

Гипотеза исследования состоит в предположении, что в период с 2010 по 2023 г. в массовом сознании/бессознательном населения Красноярского региона повысилась значимость тех представлений, которые отражают социокультурную травматизацию: нигилистических (отрицание для себя значимости какого-либо продолжения жизни), потребительских (установка на максимальное удовлетворение желаний в текущей жизни), религиозных (эсхатологические ожидания, вера в загробное воздаяние) и квазирелигиозных (вера в реинкарнацию, переселение душ).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования смерти, объединенные общим зонтичным термином *death studies*, в конце XXI – начале XX веков набирают популярность как за рубежом, так и в России [8, с. 130]. Предметом этой отрасли социологической науки выступает «...представленность смерти в общественном мнении (исключение себя из сообществ; потеря значимых близких и социальные нормы умирания, в том числе планирование и проведение похорон)» [8, с. 133].

Вместе с тем в социологии смерти остается серьезная эвристическая недосказанность, ибо за рамками ее предмета оказывается отношение людей к бессмертию, без которого невозможно адекватно рассматривать их восприятие смерти. Для любой отрасли социологической науки элементом институализации выступает анализ ее предмета в контексте социальной структуры общества. В связи с этим З. Бауман стремление к бессмертию рассматривает как важную основу социальной стратификации². Публикация З. Баятризи анализирует механизмы влияния социального неравенства на понимание жизни и смерти конкретными группами людей [9].

Показано, как технокapитализм формирует три основных представления о бессмертии (трансгуманистическое цифровое бессмертие, радикальное биологическое продление жизни и крионику), которые сохраняют эксплуататорское отношение и имеют негативные социальные последствия [10]. Сформулированы шесть архетипичных вариантов посмертного будущего: цифровое воссоздание, трансгуманизм, постсмертность на основе меморизации, продление биологической жизни, возвращение в земное царство и единство с космосом [11].

Ближние результаты были получены при исследовании, проведенном с помощью метода глубинного интервью пожилых людей. Выделены четыре смысловых пространства смерти для респондентов, по сути выступающих проявлением архетипических представлений о бессмертии: а) «религиозные представления», б) «образ

² Bauman Z. Mortality, Immortality, and Other Life Strategies...

естественного хода вещей (всему есть начало и есть конец)», в) «пространство повседневных практик... когда “жизнь – смерть” выступают как единый комплекс», г) «пространство надежд на освобождение от жизненных невзгод, от одиночества»³.

Используемое в современной социологии понятие «организационное бессмертие» связано с идеей о том, что выполняемая работа является важным средством создания «наследия», которое переживет человека и вызывает у него ощущение символического бессмертия [12].

Широкое распространение цифровых технологий породило запрос на так называемое цифровое бессмертие⁴. В наиболее общем виде под ним подразумевается создание в цифровом пространстве своеобразного «цифрового слепка личности», который формируется в рамках широкого круга прижизненных данных о человеке и, в ряде случаев, может развиваться и существовать «виртуальной жизнью». В основе представлений о цифровом бессмертии лежит аксиология трансгуманизма [13].

Проблемам цифрового бессмертия посвящено немало серьезных публикаций, например [13; 14]. О высокой значимости темы в социальных науках свидетельствует тот факт, что известный научный журнал *Social Sciences* опубликовал специальный выпуск, посвященный проблемам цифровой смерти, трансформации посмертных ритуалов, истории и загробной жизни [15].

Анализируются различные аспекты цифровой индустрии загробной жизни, связанной с быстрым развитием искусственного интеллекта. Так, выделены гипотетические элементы проектирования имитации умерших с поддержкой искусственного интеллекта [16]. Изучались коммуникации, основанные на сохранившемся контенте умерших видеоблогеров, которые воспринимались как присутствующие в аккаунтах люди [17].

Важным фактором символического бессмертия в современном российском обществе выступают некрологи, в частности военнослужащих, павших в ходе СВО. Например, в статье Р. О. Матвеевко представлены «...стратегии репрезентации дискурса гибели солдата через концепты самопожертвования, социального тела и смерти как символического обмена, а также способы конструирования идентичности и ценности жизни солдата» [18, с. 63].

Для осмысления политического потенциала революционных мучеников и прошлых жизней на материале курдских общин из Турции, а также общин сирийских друзей на оккупированных Израилем Голанских высотах выдвинута концепция «повстанческого бессмертия». Эксперты полагают, что, настаивая на бессмертии своих мертвых, эти безгосударственные общины высказывают претензию на контрсуверенитет. Речь идет об одной из форм религиозно-символического бессмертия и ее использовании в борьбе за независимость: «Бессмертие, описываемое в этой статье... носит бунтарский характер, поскольку оно основано на признании и культивировании долгосрочных взаимоотношений между живыми и мертвыми...» [19, с. 1].

Проблемы представлений людей о бессмертии отечественными социологами изучены фрагментарно. В частности, Н. А. Романович опубликовала результаты

³ Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги. *Социологические исследования*. 2015;(10):111–119. С. 112–113. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/5794> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴ Sisto D. *Online Afterlives. Immortality, Memory, and Grief in Digital Culture*. Cambridge and Massachusetts: The MIT Press; 2020. 216 p.

опроса, проведенного методом телефонного интервью среди жителей Воронежа. Возможность загробной жизни признали 39 % горожан, и чаще всего это люди не пожилые, не молодые, а в активном трудоспособном возрасте – от 30 до 50 лет (44 %). С повышением уровня образования эта вера снижается от 58 до 35 %⁵.

Похожие данные получены в ходе массового опроса, проведенного холдингом «Ромир» совместно с Gallup International Association осенью 2022 года в 64 странах мира, включая Россию. Так, «почти 60 % жителей Земли верят в загробную жизнь, в России доля таких людей составила 39 %... в рай верят 34 %, а в ад – 32 %»⁶. Исследование, осуществленное в июле 2024 года, показало, что 43 % россиян верят в посмертную жизнь (8 % «безусловно уверены»). При этом 25 % («новые уверовавшие в будущую жизнь» – люди более обеспеченные, среднего возраста, лучше образованные и никак не связывавшие указанные представления с идеей собственной ответственности, т. е. с моральным поведением⁷.

Таким образом, проблема бессмертия в современном российском социологическом дискурсе представлена слабо. Опубликованы фрагментарные эмпирические исследования веры людей в загробную жизнь либо данные опросов общественного мнения, которые иногда включают отдельные индикаторы подобной веры, однако лишь с позиций религиозных (христианско-исламских) представлений о ней. Изучение этой темы на общенациональных и региональных выборках с использованием сопоставимых индикаторов и компаративных исследований не проводилось.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретическую основу исследования составили теории «культурной травмы»⁸, «общества травмы»⁹, «антропосоциокультурной травмы»¹⁰, позволяющие интерпретировать коллективные представления о бессмертии как реакцию на социокультурные потрясения и механизмы смысловой компенсации.

На основе теоретического анализа было установлено, что в массовом сознании респондентов существуют три типа подобных представлений:

1) социальные, а именно социально-творческое («после смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди»), социально-демографическое («после смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках»);

⁵ Романович Н.А. Жизнь после смерти в зеркале общественного мнения. В кн.: Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Ч. 1. Вологда: Вологодский научный центр РАН; 2020. С. 246. <https://elibrary.ru/plogiz>

⁶ Больше половины опрошенных в мире верят в жизнь после смерти [Электронный ресурс]. ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17302909> (дата обращения: 03.09.2025).

⁷ Гудков Л. Боитесь ли вы смерти? [Электронный ресурс]. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. Аналитический центр Юрия Левады : сайт. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/16/boites-li-vy-smerti/> (дата обращения: 15.10.2025). Настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» (признан иностранным агентом 05.09.2016 решением Минюста России).

⁸ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. Пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис»; 2013. 640 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс; 1996. 416 с.

⁹ Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией... и др.

¹⁰ Лапин Н.И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения). *Вопросы философии*. 2021;(5):5–16. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16> и др.

2) религиозные и квазирелигиозные, а именно христианское/исламское («после смерти человека его душа попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил жизнь»), реинкарнационное («после смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике»);

3) отвергающие посмертное существование, а именно нигилистическое («после смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны»), потребительское («после смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно»).

Эмпирической базой работы являются результаты двух исследований. Первое проводилось социологами Сибирского федерального университета в Красноярском крае в 2010 г. ($n = 1\,568$), когда он занимал 2-е место по площади в России. Применялся метод полуструктурированного интервью с использованием стратифицированной многоступенчатой, районированной квотной выборки, репрезентированной в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой в 28 городах, поселках и сельских поселениях региона.

Второе исследование реализовывалось в 2023 г. методом онлайн-опроса на платформе Simpleforms с таргетингом в соцсетях («ВКонтакте», «Одноклассники») АНО «Диалог». Методически такая процедура исследования соответствует практике Центров управления регионами и в профессиональном сообществе признается валидной; при этом достижимость респондентов в сетикратно выше показателя, например, при поквартирных опросах.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству. Персональные данные, в соответствии с Законодательством Российской Федерации, не собирались.

Полученный массив информации подвергался чистке от не до конца заполненных анкет, а также перевзвешиванию ($n = 700$) по независимым квотным переменным (полу, возрасту, характеру поселения), совмещенному с рандомизацией во избежание возможного систематического смещения.

После перевзвешивания и чистки структура выборки по основным параметрам (полу, возрасту, уровню образования, месту жительства респондентов) соответствовала социально-демографическому профилю населения края.

Инструментарий исследования. Индикаторы, которые использовались в описанных опросах, были разработаны в 1995 г.¹¹ С помощью контент-анализа ответов респондентов на вопросы формализованного интервью были выделены характерные представления о бессмертии, которые составили единую методику. Формулировки для инструментария корректировались в процессе проведения фокус-групп и индивидуальных интервью.

Анализ данных осуществлялся на двух уровнях:

- 1) социальные стереотипы – подвижные элементы массового сознания, слабо влияющие на социальную деятельность людей;
- 2) устойчивые, но мало осознаваемые, латентные представления, тесно связанные с реальным поведением (массовое бессознательное).

¹¹ Григорьев С.Г., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI в. Барнаул-Красноярск: Алтайское книжное издательство; 1995. С. 84 – 87. <https://www.elibrary.ru/thdoqz>; Немировский В.Г. Социальный облик молодежи Красноярского края. Красноярск: КРАСГУ; 1995. С. 12 – 14. <https://www.elibrary.ru/thdoqp> и др.

На обоих уровнях прослеживалась специфика представлений, связанная с гендерной, возрастной, образовательной и статусной принадлежностью респондентов.

Методика опроса. Респондентам предлагалось определить отношение к ряду суждений с помощью трехбалльной шкалы: «не согласен» (1 балл), «частично согласен» (2 балла), «полностью согласен» (3 балла). В качестве суждений предлагались приведенные формулировки представлений о бессмертии¹².

Методы обработки данных. Для обработки данных использовали описательные статистики (одномерные распределения) и факторный анализ (SPSS, метод главных компонент, вращение «Варимакс»). Пригодность данных для факторного анализа проверяли с помощью тестов Кайзера–Мейера–Олкина и сферичности Бартлетта. Мера выборочной адекватности первого составила 0,831. Тест сферичности Бартлетта показал приближенное значение $\chi^2 = 2\,845,217$, степени свободы $df = 253$ при уровне значимости $p < 0,001$. Факторный анализ возможен при мере выборочной адекватности в диапазоне от 0,5 до 1 и при значении $p < 0,05$. Таким образом, данные пригодны для факторного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика вербального уровня (массовое сознание) представлена в таблице. В сознании жителей региона на вершине иерархии представлений о бессмертии, выявленной в 2010 г., через 13 лет также находятся представления о социально-творческом и социально-демографическом бессмертии: варианты ответа «частично согласен» и «согласен» выбрали 96 и 90 % опрошенных соответственно.

Как видно из таблицы, в 2023 г. на вербальном уровне массового сознания заметно больше респондентов стали придерживаться нигилистических представлений о бессмертии (+24 %), а также потребительских (+15), реинкарнационных (+14) и христианских/исламских (+10 %). Иными словами, именно тех, которые могут свидетельствовать о росте социокультурной травмированности населения Красноярского региона.

Резкий рост уверенности респондентов в том, что «после смерти ничего нет» и что «все бессмысленно» (*нигилистические* представления), выступает классическим проявлением защитного механизма отрицания. В условиях роста травмированности российского общества значительной части населения региона будущее представляется неопределенным или даже угрожающим. В соответствии с этим вопрос поиска человеком смысла жизни теряет актуальность. Психологически это состояние тесно связано с избегающим поведением и внешним локусом контроля: если в конечном счете любые стремления человека напрасны, то не нужно нести ответственность за свои действия или строить долгосрочные планы.

¹² Эта методика и результаты опроса, проведенного в 2010 г., а также данные факторного анализа были опубликованы в ряде статей, например: Немировский В.Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2005–2010 гг.). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2011;(2):116–125. URL: <https://clck.ru/3VcKh3> (дата обращения: 03.09.2025) ; Nemirovskiy V.G. Sociocultural Specifics of Siberian Residents' Ideas of the Meaning of Life and Attitude to Death at the End of the XX Century and at the Beginning of the XXI Century within the Framework of Postnonclassic Approach. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010;3(1):53–68. <https://elibrary.ru/kxovvf> и др.

Т а б л и ц а. Мнение респондентов о различных концепциях посмертного существования: данные за 2010 и 2023 гг., %

Table. Attitudes of respondents towards various conceptions of life after death: data for 2010 and 2023, %

Суждение / Statement	Вариант ответа / Response option	2010	2023
R 1. После смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди / After death, a person continues to live in their deeds, as long as people remember them	Согласен / Agree	54	65
	Частично согласен / Partially agree	37	31
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	91	96
R 2. После смерти человек продолжает жить в детях и внуках / After death, a person continues to live in their children and grandchildren	Согласен / Agree	59	46
	Частично согласен / Partially agree	33	44
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	92	90
R 3. После смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны / After a person's death, everything disappears, so any deeds and aspirations are in vain	Согласен / Agree	5	14
	Частично согласен / Partially agree	17	34
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	22	48
R 4. После смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике / After a person's death, their soul reappears in this world, but in a different physical form	Согласен / Agree	25	25
	Частично согласен / Partially agree	37	51
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	62	76
R 5. После смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно / After death, there will be nothing, so one must take everything possible from life	Согласен / Agree	17	18
	Частично согласен / Partially agree	37	51
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	54	69
R 6. После смерти человека его душа попадет в рай или ад, в зависимости от того, как он прожил жизнь / After death, the soul goes to heaven or hell depending on one's life	Согласен / Agree	29	21
	Частично согласен / Partially agree	37	55
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	66	76

Примечание: распределение ответов на каждое суждение представлено в процентах от общего числа респондентов. Варианты ответа: «Согласен», «Частично согласен», «Не согласен». Суммарная доля согласных (объединение категорий «Согласен» и «Частично согласен») приведена для оценки общей распространенности принятия тезиса.

Note: the distribution of responses to each statement is presented as a percentage of the total number of respondents. Response options: "Agree", "Partially agree", and "Disagree". The total percentage of those who agree (the combination of the "Agree" and "Partially agree" categories) is used to assess the overall prevalence of acceptance of the statement.

Источник: подготовлено по результатам исследования.

Source: prepared based on the results of the research.

К росту *потребительских* представлений о бессмертии ведет сужение горизонта планирования человеком своей жизни в ситуации социокультурной травмы, которое усиливает его стремление получить удовольствие, доступное здесь и сейчас. Этому может способствовать и неверие в возможность быстрых позитивных изменений в личном будущем.

Увеличение популярности *реинкарнационных* представлений о бессмертии в известной мере свидетельствует о надежде части опрошенных на своего рода «еще одну попытку». В современной технократической культуре вера в реинкарнацию для человека психологически комфортнее традиционных религий. Она не требует жесткой моральной ответственности, участия в специальных ритуалах и церемониях, как, например, авраамические религии. Это форма регрессии в магическое мышление, которое широко распространено в современном российском обществе травмы, в том числе в форме веры в помощь со стороны различных колдунов, экстрасенсов, ведьм, тарологов и т. п. Вера в реинкарнационное бессмертие позволяет человеку смягчить чувство тревоги и страх перед конечностью бытия.

Некоторое увеличение распространенности *христианских/исламских* представлений о бессмертии отражает стабильный рост обращения части населения к традиционным религиям. В обществе травмы они выполняют функции консолидации, смысловой опоры и упорядоченности. Когда светские институты, например государство, экономика, социальные лифты и др., не справляются с обеспечением безопасности и справедливости, человек вынужден проецировать потребность в защите и высшей справедливости на фигуру Бога. Также это соотносится с попыткой восстановить разрушенные морально-нравственные ориентиры, обратившись к традиционным ценностям.

Динамика латентного уровня (массовое бессознательное). Факторный анализ данных за 2010–2023 гг. позволил выявить три латентных комплекса представлений о бессмертии в массовом бессознательном жителей региона. Для каждого фактора указаны признаки с наиболее высокими коэффициентами корреляции и его описательная сила (доля объясненной дисперсии).

В 2010 году первый фактор, объясняющий 49,2 % дисперсии, описывал комплекс ориентаций на социально-творческое (0,61), социально-демографическое (0,48) и нигилистическое (0,36) представления. Второй фактор (16,5 % дисперсии) выражал потребительское (0,44) и христианское (исламское) (0,33) представления. Третий, обладавший наименьшей описательной силой (9,2 %), характеризовал исключительно реинкарнационное представление (0,42).

К 2023 году структура факторов изменилась. Первый фактор (39,2 % дисперсии) теперь объединил нигилистическое (0,69) и потребительское (0,53) представления. Второй фактор, чья объясняющая способность возросла до 28,6 %, включал социально-творческое (0,57) и реинкарнационное (0,38) представления. Наконец, третий фактор (14,3 % дисперсии) характеризовал христианское (исламское) (0,37) и социально-демографическое (0,28) представления; объясняющая способность составила 14,3 %.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что потребительское и христианское (исламское) представления о бессмертии в 2010 г. описывались общей латентной переменной. Это может говорить о том, что в массовом сознании/бессознательном жителей региона в тот период функционировал психологический механизм, под действием которого ожидание «попадания в рай» после смерти чаще присутствовало у тех, кто стремился взять от жизни все, что возможно, т. е. у индивидов с потребительской ориентацией. В 2023 году на первое место по описательной силе вышел фактор, характеризующий отвержение любой возможности

посмертного существования, что соответствует нигилистическому и потребительскому представлениям о бессмертии.

ОБСУЖДЕНИЕ

Специфика представлений населения современной России о бессмертии во многом определяется социокультурной травмированностью общества, ибо важными характеристиками общества травмы являются дезорганизация общественного сознания, противоречивость взглядов, неопределенность ожиданий, трудности самореализации.

Проведенный сравнительный анализ массового сознания/бессознательного населения Красноярского края (в другом исследовании) в 2015–2023 гг. показывает, что доминирующим социальным типом личности остается «человек избегающий», который выражает различные аспекты посттравматической мотивации [5]. Результаты психологических и социально-психологических исследований, отечественных и зарубежных, демонстрируют его ведущие характеристики: высокую тревожность; ценностные ориентации на материальное благополучие, карьеру, семью, здоровье, гедонизм; отсутствие четкого образа желаемого будущего; склонность к асоциальному поведению; веру в разного рода эзотику [5, с. 202].

Безусловно, сложности в реализации смысла жизни, которые выступают одним из важных проявлений общественной травмы, не могут не влиять на формирование специфических представлений о бессмертии: реализация людьми смысла жизни выражается в стремлении оставить после себя наследие, которое, по сути, выступает некой формой символического бессмертия. Такое наследие может обеспечиваться посредством творчества, «...рождением детей, духовными или религиозными средствами, связью с природой или моментами трансцендентного опыта» [20, р. 102610, 102608].

Можно констатировать, что распространенность среди населения социального типа личности «человек самореализующийся» способствует преодолению страха смерти. Так, результаты исследований подтверждают, что «статусное потребление является значимым механизмом избегания при борьбе со страхом смерти» [5]; свидетельствуют, что предметы роскоши помогают людям справляться со страхом смерти: «...ценности материализма могут влиять на потребление предметов роскоши через импульсивные механизмы в ситуации, связанной с тревогой по поводу смерти» [21, р. 115]. Аналогичные выводы получили ряд исследователей [22, р. 282; 23].

Наличие в массовом сознании/бессознательном различных представлений о бессмертии во многом определяется психологическими механизмами, в основе которых лежат социокультурные травмы общества. Последние на индивидуальном уровне могут проявляться как психологические травмы, например связанные с результатами неправильного семейного или общественного воспитания, разного рода формами социальной эксклюзии и депривации, воздействием интенсивной социокультурной турбулентности в обществе. Как социальное явление, связанное с властью и привилегиями или бесправием и неблагоприятным положением человека в обществе, травму рассматривает О. Т. Малдун [24].

В рамках анализа в фокусе экспертов – явление нарциссической травмы. На основе психологических исследований коллективом авторов доказано, что страх смерти связан с часто встречающимся в настоящее время стремлением делать селфи: он выступает своего рода «посредником» между нарциссизмом и селфи-поведением [25, с. 1]. Сходные результаты получили А. Бессер и соавторы: «нарциссические черты личности связаны со страхом смерти и стремлением к символическому бессмертию (иметь цифровой аватар для себя и других), в основном косвенно, через страх смерти и мотивацию к вечной жизни и поддержке других» [26, р. 6632].

С представлениями о бессмертии связаны и такие социально обусловленные психологические черты личности, как контроль и автономия [27, с. 429].

С опорой на теории «культурной травмы», «общества травмы» и «антропосоциокультурной травмы» было установлено, что социокультурная травмированность российского общества через посредство различных психологических механизмов (в том числе ПТСР) способствует распространению среди населения региона представлений о бессмертии, которые служат компенсацией полученных им травм. Это нигилистическое, потребительское представления, связанные с желанием получить от жизни «все и сейчас», а также христианское/мусульманское и реинкарнационное, которые формируют надежду продолжить индивидуальное существование после смерти. Соответственно увеличение значимости этих представлений служит показателем усиления социокультурной травмированности населения региона.

Основным ограничением исследования выступает использование опросных методов: как интервью, так и анкетирование (даже с применением факторного анализа) не всегда позволяют достаточно глубоко выявить механизмы влияния социокультурной травмы на представления людей о бессмертии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило эмпирически верифицировать структуру и динамику представлений о посмертном существовании у населения Красноярского края в период с 2010 по 2023 год. Выдвинутая гипотеза об усилении значимости тех представлений о бессмертии, которые опосредованы социокультурной травматизацией общества, нашла свое подтверждение.

В 2023-м, как и в 2010-м году, на вербальном уровне массового сознания наиболее значимыми оставались социально-творческое и социально-демографическое представления (сохранение памяти о человеке в результатах его дел и его прямых потомках). Однако главным трендом исследуемого периода стал выраженный сдвиг в сторону «травматизированных» форм репрезентации бессмертия. Зафиксирован устойчивый рост значимости нигилистической (отрицания посмертия), потребительской (гедонизма, «здесь и сейчас») и квазирелигиозных (реинкарнация) установок, а также усиление эсхатологических ожиданий в рамках христианского/исламского дискурса. Эти изменения выявлены не только на вербальном уровне, но и в структуре латентных факторов массового бессознательного, что свидетельствует о глубинной перестройке ценностно-смысловых оснований личности.

Полученные данные показывают, как макросоциальная неопределенность и турбулентность общества травмы проявляется на уровне населения региона. Эти цифры отражают еще один признак подобного общества – социальную

и смысловую атомизацию. Массовое сознание опрошенных жителей Красноярского края в отношении представлений о бессмертии оказывается более фрагментированным: за 13 лет, прошедших с момента первого опроса, увеличилась доля «нигилистов», гедонистов, тех, кто надеется на повторное воплощение и респондентов, которые ищут «спасения» в религии. Также прослеживается специфика представлений, связанная с гендерной, возрастной, образовательной и статусной принадлежностью участников опроса, однако ее анализ выходит за рамки данного исследования.

Важнейшим механизмом, объясняющим данную динамику, выступает психологическая компенсация социокультурной травмы. Распространение в регионе социального типа «человек избегающий» [5] парадоксальным образом нивелирует экзистенциальную тревогу перед смертью за счет активизации компенсаторных стратегий: карьеризма, статусного потребления и виртуализации бытия. Это позволяет говорить о том, что трансформация представлений о бессмертии является надежным индикатором состояния массового бессознательного, отражающим адаптационные или дезадаптивные реакции социума на вызовы современности.

В практической плоскости полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения в учебных заведениях региона образовательных программ, ориентированных на формирование у молодежи созидательных духовно-нравственных ценностей; об актуальности расширения подготовки психологов и социальных педагогов к работе с травмированным сознанием (в вузах и ссузах Красноярского края для этого имеются широкие возможности).

Диагностика представлений населения региона о бессмертии может служить инструментом для оценки его социально-адаптационного потенциала. На основе такой диагностики возможно прогнозировать социальное поведение (миграционные настроения, уровень протестной активности, готовность к коллективным действиям) и корректировать стратегии регионального развития с учетом реальных экзистенциальных запросов жителей.

Направления дальнейших исследований лежат в плоскости углубления изучения региональной специфики. Установленные различия в структуре представлений населения региона о бессмертии требуют сравнительного анализа ситуации в других субъектах РФ, особенно с учетом различной вовлеченности регионов в повестку СВО. На основе рейтингов подобной вовлеченности (мобилизации, волонтерства, гуманитарных миссий) можно выдвинуть гипотезу о дифференцированном влиянии социокультурных травм на массовое сознание в зависимости от географических и экономических факторов. В теоретическом плане ее верификация позволит сформулировать основы концепции «региональной социокультурной травмы».

Перспективным видится применение психологических методик в сочетании с компаративными массовыми опросами, а также качественных методов социологических исследований в различных регионах России – для более глубокого выявления механизмов влияния социокультурной травмы на представления людей о бессмертии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни. *Социологические исследования*. 2024;(7):10–22. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070035>
2. Солодников В.В. Похороны и социальные представления о семье Т. Уолтер, Т. Бейли. *Социологический журнал*. 2023;29(1):130–140. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.7>
3. Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества. *Социологические исследования*. 2022;(3):13–23. <https://doi.org/10.31857/S013216250017543-0>
4. Лапин Н.И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения). *Вопросы философии*. 2021;(5):5–16. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16>
5. Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(1):201–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11>
6. Рябинина Д.А., Зоркина Я.А., Резник А.М. и др. Анализ проблем диагностики боевого посттравматического стрессового расстройства в психиатрическом стационаре. *ПСИХИАТРИЯ*. 2025;23(2):19–31. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-2-19-31>
7. Гнездилов Г.В., Киселев В.В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО. *Экстремальная психология и безопасность личности*. 2025;2(1):26–39. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020103>
8. Мохов С., Миленина Д. Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021;24(2):212–235. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>
9. BayatRizi Z. Beyond Denial: A Sociological Investigation of the Normative Order of Death. In: *The Routledge Handbook of Law and Death*. Routledge; 2024. P. 27–41. <https://doi.org/10.4324/9781003304593-4>
10. Hurtado Hurtado J. Exploited in Immortality: Techno-Capitalism and Immortality Imaginaries in the Twenty-First Century. *Mortality*. 2024;29(4):903–920. <https://doi.org/10.1080/13576275.2023.2266373>
11. Hurtado Hurtado J. Envisioning Postmortal Futures: Six Archetypes on Future Societal Approaches to Seeking Immortality. *Mortality*. 2024;29(1):18–36. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/13576275.2022.2100250>
12. Bednar J.S., Elder R.S. Seeking Organizational Immortality: Legacy Biases in Organizational Decision-Making. *Academy of Management Perspectives*. 2025;40(1):131–149. <https://doi.org/10.5465/amp.2023.0276>
13. Savin-Baden M., Mason-Robbie V. (Eds.) *Digital Afterlife: Death Matters in a Digital Age*. New York: Chapman and Hall/CRC; 2020. 230 p. <https://doi.org/10.1201/9780429322198>
14. Conte P., Serafini M. Posthumous AI: The Afterlife of Data. In: *Algomedia. The Image at the Time of Artificial Intelligence*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2026. P. 369–386. https://doi.org/10.1007/978-3-032-08726-3_21
15. Christensen D.R., Sumiala J. Introducing the Special Issue Digital Death: Transforming Rituals, History, and the Afterlife. *Social Sciences*. 2024;13(7):346. <https://doi.org/10.3390/socsci13070346>
16. Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry. *Philosophy and Technology*. 2024;37(63). <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00744-w>
17. Zhang L., Yin S.X. The Long Farewell: Mediated Posthumous Communications and Identity Persistence on Vloggers' Memorialized Accounts. *New Media and Society*. 2025;14614448251376304. <https://doi.org/10.1177/14614448251376304>
18. Матвеев П.О. Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2025;17(1):63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>
19. Schäfers M., Kastrinou M. Martyrs, Dreams, and Past Lives: Insurgent Immortality and the Expansive Logic of Debt. *Comparative Studies in Society and History*. 2025;68(1):39–63. <https://doi.org/10.1017/S0010417525100157>

20. Kaufman J.C. Dancing on an Empty Shore: Symbolic Immortality, Meaning, and Being Creative as Doomsday Approaches. *Learning and Individual Differences*. 2025;(118):102607. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2024.102607>
21. Audrin C., Cheval B., Chanal J. Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies Toward Luxury Brands. *Death Studies*. 2018;42(2):115–122. <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008>
22. Baek T.H., Kim J., Yoon S., Choi Y.K., Taylor C.R. The COVID-19 Threat and Luxury Advertising. *Journal of Consumer Behaviour*. 2023;22(3):582–596. <https://doi.org/10.1002/cb.2137>
23. Wright D.W.M., Zascerinska S. Becoming Immortal: Future Wellness and Medical Tourism Markets. *Journal of Tourism Futures*. 2023;9(2):168–195. <https://doi.org/10.1108/JTF-05-2021-0119>
24. Muldoon O.T. The Social Psychology of Trauma: Connecting the Personal and the Political. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. 202 p. <https://doi.org/10.1017/9781009306997>
25. Etgar S., Shutzman B., Shani-Sherman T., Amichai-Hamburger Y. E-mmortal: Death Anxiety is Related to Selfie Behaviors. *Psychological Reports*. 2026;129(3):1965–1977. <https://doi.org/10.1177/00332941241269535>
26. Besser A., Morse T., Zeigler-Hill V. Who Wants to (Digitally) Live Forever? The Connections that Narcissism Has with Motives for Digital Immortality and the Desire for Digital Avatars. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(17):6632. <https://doi.org/10.3390/ijerph20176632>
27. Horner D.E., Sielaff A., Greenberg J. Self-Determined Immortality: Testing the Role of Autonomy in Promoting Perceptions of Symbolic Immortality and Well-Being. *Motivation and Emotion*. 2022;46(4):429–446. <https://doi.org/10.1007/s11031-022-09944-3>

REFERENCES

1. Toshchenko Z.T. Life World as a Basic Concept of the Sociology of Life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(7):10–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0132162524070035>
2. Solodnikov V.V. Funerals and Social Representations of the Family. Walter T., Bailey T. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2023;29(1):130–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.7>
3. Volkov Yu.G. Socio-Cultural Traumas of Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(3):13–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017543-0>
4. Lapin N.I. Man and Culture of His Interactions with Society in the Russia's Past, Present and Future (Continuing the Traditions of the Axial Generation). *Voprosy filosofii*. 2021;(5):5–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16>
5. Nemirovskii V.G. The “Avoidant Individual” as a Social Personality Type in the Russian Trauma Society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(1):201–214. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11>
6. Riabina D.A., Zorkina Y.A., Reznik A.M., et al. Analysis of Problems Associated with Diagnostics Combat Post-Traumatic Stress Disorder in a Psychiatric Hospital. *Psikhiatriya*. 2025;23(2):19–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-2-19-31>
7. Gnezdilov G.V., Kiselev V.V. On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO. *Extreme Psychology and Personal Safety*. 2025;2(1):26–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020103>
8. Mokhov S., Milenina D. Death Studies: The Formation of an Interdisciplinary Field (2010–2020). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(2):212–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>
9. BayatRizi Z. Beyond Denial: A Sociological Investigation of the Normative Order of Death. In: *The Routledge Handbook of Law and Death*. Routledge; 2024. P. 27–41. <https://doi.org/10.4324/9781003304593-4>
10. Hurtado Hurtado J. Exploited in Immortality: Techno-Capitalism and Immortality Imaginaries in the Twenty-First Century. *Mortality*. 2024;29(4):903–920. <https://doi.org/10.1080/13576275.2023.2266373>
11. Hurtado Hurtado J. Envisioning Postmortal Futures: Six Archetypes on Future Societal Approaches to Seeking Immortality. *Mortality*. 2024;29(1):18–36. <https://doi.org/10.1080/13576275.2022.2100250>

12. Bednar J.S., Elder R.S. Seeking Organizational Immortality: Legacy Biases in Organizational Decision-Making. *Academy of Management Perspectives*. 2025;40(1):131–149. <https://doi.org/10.5465/amp.2023.0276>
13. Savin-Baden M., Mason-Robbie V. (Eds.) *Digital Afterlife: Death Matters in a Digital Age*. New York: Chapman and Hall/CRC; 2020. 230 p. <https://doi.org/10.1201/9780429322198>
14. Conte P., Serafini M. Posthumous AI: The Afterlife of Data. In: *Algomedia. The Image at the Time of Artificial Intelligence*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2026. P. 369–386 https://doi.org/10.1007/978-3-032-08726-3_21
15. Christensen D.R., Sumiala J. Introducing the Special Issue Digital Death: Transforming Rituals, History, and the Afterlife. *Social Sciences*. 2024;13(7):346. <https://doi.org/10.3390/socsci13070346>
16. Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry. *Philosophy and Technology*. 2024;37(63). <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00744-w>
17. Zhang L., Yin S.X. The Long Farewell: Mediated Posthumous Communications and Identity Persistence on Vloggers' Memorialized Accounts. *New Media and Society*. 2025;14614448251376304. <https://doi.org/10.1177/14614448251376304>
18. Matveenko R.O. Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2025;17(1):63–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>
19. Schäfers M., Kastrinou M. Martyrs, Dreams, and Past Lives: Insurgent Immortality and the Expansive Logic of Debt. *Comparative Studies in Society and History*. 2025;68(1):39–63. <https://doi.org/10.1017/S0010417525100157>
20. Kaufman J.C. Dancing on an Empty Shore: Symbolic Immortality, Meaning, and Being Creative as Doomsday Approaches. *Learning and Individual Differences*. 2025;(118):102607. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2024.102607>
21. Audrin C., Cheval B., Chanal J. Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies Toward Luxury Brands. *Death Studies*. 2018;42(2):115–122. <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008>
22. Baek T.H., Kim J., Yoon S., Choi Y.K., Taylor C.R. The COVID-19 Threat and Luxury Advertising. *Journal of Consumer Behaviour*. 2023;22(3):582–596. <https://doi.org/10.1002/cb.2137>
23. Wright D.W.M., Zascierinska S. Becoming Immortal: Future Wellness and Medical Tourism Markets. *Journal of Tourism Futures*. 2023;9(2):168–195. <https://doi.org/10.1108/JTF-05-2021-0119>
24. Muldoon O.T. *The Social Psychology of Trauma: Connecting the Personal and the Political*. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. 202 p. <https://doi.org/10.1017/9781009306997>
25. Etgar S., Shutzman B., Shani-Sherman T., Amichai-Hamburger Y. E-mmortal: Death Anxiety is Related to Selfie Behaviors. *Psychological Reports*. 2026;129(3):1965–1977. <https://doi.org/10.1177/00332941241269535>
26. Besser A., Morse T., Zeigler-Hill V. Who Wants to (Digitally) Live Forever? The Connections that Narcissism Has with Motives for Digital Immortality and the Desire for Digital Avatars. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(17):6632. <https://doi.org/10.3390/ijerph20176632>
27. Horner D.E., Sielaff A., Greenberg J. Self-Determined Immortality: Testing the Role of Autonomy in Promoting Perceptions of Symbolic Immortality and Well-Being. *Motivation and Emotion*. 2022;46(4):429–446. <https://doi.org/10.1007/s11031-022-09944-3>

Об авторах:

Немировский Валентин Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, Researcher ID: G-3689-2015, Scopus ID: 46461917700, SPIN-код: 1831-1806, valnemirov@mail.ru

Новиков Алексей Сергеевич, кандидат философских наук, магистр психологии, директор ООО «Технологии социальных исследований» (660093, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт им. газеты «Красноярский Рабочий», д. 172, кв. 173), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3352-8946>, SPIN-код: 8720-1837, asnovikov@gmail.com

Вклад авторов:

В. Г. Немировский – разработка концепции; разработка методологии; проведение исследования; формальный анализ; написание черновика рукописи; административное руководство исследовательским проектом; критический анализ черновика рукописи.

А. С. Новиков – проведение исследования; формальный анализ; курирование данных; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.10.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 26.02.2026.

About the authors:

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovskii Prospekt, Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, Researcher ID: G-3689-2015, Scopus ID: 46461917700, SPIN-code: 1831-1806, valnemirov@mail.ru

Aleksei S. Novikov, Cand.Sci. (Philos.), Master (Psych.), Director, Social Research Technologies LLC (Apt. 173, 172, Newspaper “Krasnoyarsk Worker” Prospekt, Krasnoyarsk 660093, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3352-8946>, SPIN-code: 8720-1837, asnovikov@gmail.com

Contribution of the authors:

V. G. Nemirovskiy – conceptualization; methodology; investigation; formal analysis; writing – original draft preparation; project administration; critical review.

A. S. Novikov – investigation; formal analysis; data curation; commentary or revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 31.10.2025; revised 11.02.2025; accepted 26.02.2026.